

УДК 821.161.1-1

Черноземова Е.Н.

**ВОЗМОЖНОСТИ МАГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА КАК
ХУДОЖЕСТВЕННОГО СРЕДСТВА ЖЕНСКОГО РОМАНА
(«САДОВЫЕ ЧАРЫ» САРЫ АЛЕН, 2007)**

*В статье на примере романа «Садовые чары» Сары Аллен (2007) проанализированы особенности женской прозы и художественные приемы магического реализма. Именно они, считает автор, позволяют создать интригующе-амбивалентное прочтение ряда ситуаций и отразить поэтическое восприятие действительности, в которой причинно-следственные связи определяются невидимыми сердечными импульсами.
Ключевые слова: женская проза, магический реализм, амбивалентность прочтений.*

Черноземова О.М. Можливості магичного реалізму як художнього засобу жіночого роману («Садові чари» Сару Аллен). У статті на прикладі роману «Садові чари» Сару Аллен (2007) проаналізовано особливості жіночої прози та художні прийоми магичного реалізму. Саме вони за думкою автора дозволяють створити інтригуюче-амбівалентне прочитання ряду ситуацій і відтворити поетичне сприйняття дійсності, в якій причинно-наслідкові зв'язки визначаються невидимими серцевими імпульсами.

Ключові слова: жіноча проза, магичний реалізм, амбівалентність прочитання.

Chernozemova E.N. The Possibility of Magic Realism as an Art Medium Women's Novel. The article analyzes the features of women's prose and artistic techniques of magical realism on the example of the novel by Sarah Allen "Garden Spells" (2007), allowing author to create intriguing and ambivalent situations and to reproduce the poetic perception of the reality in which causal relationships are determined by the invisible heart pulses.

Key words: women's novel, magic realism, ambivalent interpretations.

Гендерный подход к изучению литературы возник на гребне феминистического движения. Сразу же подхваченный, он стал предметом споров. Выделение так называемой «женской прозы» всегда спотыкалось о вопрос, есть ли у нее отличительные черты: специфические темы, особенности поэтики, отличные от прозы, создаваемой авторами-мужчинами [2, 3, 4]. Желание уравнивать права полов, нивелировать их различия сопровождалось желанием найти отличительные черты в том, как каждый из них проявляет себя в творчестве. Некоторые особенности женского взгляда на мир наблюдаем в прозе современных американских писательниц. В бестселлере Донны Тартт «Щегол» (*The Goldfinch*, 2013) [5, 6], замечательно воспроизводящем психологию подростка, проскальзывает приписываемое ему автором внимание к особенностям косметики матери и замечания о том, что, ухаживая за волосами, она пользовалась дико дорогими шампунями, держа в ванной комнате пять-шесть их видов, которыми пользовалась попеременно. Такие наблюдения вряд ли характерны для тринадцатилетнего подростка, даже очень любящего свою маму, и, скорее, обнаруживают чисто женский авторский взгляд на детали повседневности.

Женский взгляд на психологию отношений, быт, нравы небольшого городка Бэскома (Vascom, North Carolina), где все на виду и многие друг друга знают, воспроизведен в дебютном романе современной американской пи-

сательницы **Сары Аллен (Sarah Addison Allen)** «Садовые чары» (*Garden Spells*, 2007, пер. с англ. И. Тетерий) [1]. Отличительной особенностью этого художественного текста стало умело воспроизведенная магия природы и отношений людей друг к другу, в чем сказалась любовь писательницы к фантастике, ее умение подмечать особенности жизненных коллизий, заимствованные у отца – журналиста и редактора местной газеты. А еще дар и даже страсть к писательству, которые сочетались с уважением к профессиональному поварскому искусству матери. Женский взгляд на вещи прослеживается и в логике магического реализма: причины и следствия событий в данном произведении завуалированы, не связаны прямолинейно, соединены магией сердечных чаяний и импульсов. Так автору удается передать сложность, а подчас и не объяснимых впрямую жизненных, иногда и судьбоносных переплетений.

Сара Эддисон Аллен родилась и выросла в небольшом университетском городке Эшвилле (Asheville) штата Северная Каролина (США), расположенного в гористой местности Голубого Хребита – окраине Аппачей на излучине реки. Красота местности, как и изучение литературы в местном университете, способствовали развитию поэтического взгляда на мир.

В романе переплетены узнаваемые характеры с необъяснимой логикой жизненных событий и коллизий. Многие из них связаны с главными героинями романа – женщинами из необычного семейства Уэверли, к которому в городе относятся, кто с настороженностью, кто с опаской, поскольку жители знают, что его представительницы отличаются странностями: им присущи необъяснимые способности влиять на людей и события. Кто-то испытал эти воздействия на собственном опыте, знает о странных способностях и побаивается их. Кто-то считает все это домыслами и суеверием. Альтернативные точки зрения на возможность присутствия магии создают дополнительные смысловые пространства в структуре романа. Чуть ли не все обитатели городка знают о необычных кулинарных способностях Клер Уэверли (Claire Waverly), ее рецепты связаны со знанием и использованием свойств растений, секреты которых передавались в семье по женской линии. Вымышленные свойства растений, их магическая способность влиять на людей вплетена во вполне узнаваемые и психологически достоверные перипетии жизни. Описания растений и их свойств создают иллюзию вплетения в ткань романа информации из средневековых гербариев.

Двойственность отношения горожан – от суеверного опасения до неверия в предрассудки – касается и других членов семейства Уэверли и создает интригующую амбивалентность оценок поступков персонажей.

Младшая сестра Клер Сидни (Sydney Waverly) не желает, чтобы ее считали колдуньей. Она бунтует и отказывается познавать семейные секреты. Однако оказывается, что у нее есть свой особенный дар: она читает характеры людей по их волосам. Понимая, что можно высветить или исправить в жизни человека, изменив его прическу, она становится замечательным мастером-парикмахером. Описание наблюдений Сидни за связью качества волос с характерами людей также относится к особенностям женского взгляда на мир, хотя в предисловии к роману Сара Аллен приносит благо-

дарность Дону Хьюзу, «парикмахеру от бога, который помог ей достоверно описать будни салона красоты».

Свой дар есть и у Эванель (Evanelle) Франклин, семидесятилетней двоюродной бабки сестер, которая держит в доме много ненужных ей вещей. Но зачастую ее посещает чувство, что она должна подарить какую-то безделушку конкретному человеку. К этой странности в городе относятся беззлобно, поскольку замечено, что подаренные вещи, кажущиеся бесполезными, неожиданно оказываются нужными и помогают в решении жизненных задач.

Бэй (Bay), маленькая пятилетняя дочка Сидни, тоже наделена особым даром понимать настоящее место каждой вещи. Оказавшись в незнакомом доме, она без подсказок находит, где лежат вилки, а после маминой уборки перекладывает некоторые вещи туда, где их будет искать папа. Тонкость замечаний о поведении ребенка обладает поистине женской проницательностью.

Взаимоотношения в семьях и между горожанами, ссоры и взаимопомощь, размолвки и влюбленности, опасливая и яростная ревность, разрывы и сближения выписаны в романе узнаваемо-достоверно, как достоверно соседство тонко чувствующих и безразличных к магии природы обитателей городка. В таком сосуществовании есть своя романтическая гофмановская традиция взаимодействия «музыкантов» и просто «хороших людей». Она показана без болезненного противостояния, но содержит предпосылки и возможности к амбивалентному прописыванию ситуаций: автор романа часто заставляет читателя догадываться, какая из версий более соответствует действительности.

Горожане, верящие в магию растений и искусства Уэверли, знали, что ряд сложных вопросов можно разрешить с помощью блюд, которые готовились из растений из их сада. Эти растения оказывали на того, кто их ест, крайне любопытное воздействие: «рулеты с желе из лепестков сирени, печенья с лавандовым чаем и кексы на майонезе из настурций, которые Дамский комитет заказывал для своих ежемесячных заседаний, наделяли их способностью хранить секреты. Жареные бутоны одуванчика с гарниром из риса с лепестками ноготков, фаршированные цветки тыквы и суп из шиповника гарантировали, что гости заметят лишь достоинства вашего дома, но никак не изъяны. Тост со смесью масла и анисово-мятного меда, леденцы из дягиля и кексы с засахаренными анютиными глазками заставляли детей взяться за ум. Вино из жимолости, подававшееся в День независимости, наделяло способностью видеть в темноте. Ореховый вкус подливки, приготовлявшейся из луковиц гиацинта, приводил в мрачное расположение духа и наводил на размышления о прошлом, а салат из мяты с цикорием заставлял верить, что вот-вот случится что-то очень хорошее, независимо от того, так это было или нет» [1, гл. 1].

Растения нужно было уметь приготовить. Клер готовит мятное желе с лепестками роз и сирени и настоянный на жерухе и шнитт-луке уксус для деликатесной лавки и рынка [1, гл. 1]. Для банкетов она выпекает белый торт с добавлением в тесто лепестков фиалок и несколькими засахарен-

ными цветками в виде украшения. Ее лавандовый хлеб и безалкогольное вино из жимолости предназначено для городских праздников. Она знает, кому предложить пирог с начинкой из яиц, сливок и сыра с одуванчиками, сэндвичи с имбирным джемом и миндальным маслом, блюда с васильками, которые обостряют пронизательность, помогают увидеть скрытые мотивы. Раз в год готовится редкое вино из розовой герани, которое пробуждает приятные воспоминания.

От ее кухни не веет злым колдовством: в ней пахнет душистой сдобой, пряными травами, свежими дрожжам; на разделочном столе посреди кухни стоят миски, доверху наполненные лавандой и листьями одуванчика. На столах поменьше остывает свежее испеченный хлеб. Здесь лепестки анютиных глазок осторожно кисточкой покрываются яичными белками и обмакиваются в сахарную пудру... Обсуждая меню в ходе подготовки очередного заказа, она консультирует заказчиков: «Если вы хотите продемонстрировать любовь, тогда розы»; «корица и мускатный орех символизируют благополучие» [1, гл. 5].

Сад и дом Уэверли описаны как особенные: «Здесь цвело все и сразу, даже то, чему в эту пору цвести не полагалось» [1, гл. 2], – словно в саду доктора Альпануса из гофмановского Цахеса или в райском саду Мильтона. Его наполняли съедобные растения и ночные цветы: луноцвет, дурман, ночной жасмин и душистый табак. У тонко чувствующей героини особые отношения с садом. Бессонными ночами она пропалывает грядки с ночными цветами. Веранда, где сушатся и сортируются растения, напоена запахом лаванды и мяты. Здесь витает аромат яблок, полыни и земли.

Автор мастерски создает амбивалентные ситуации, решение которых обладает усложненностью, равной детективной. Клер воспринимает как предупреждение появившийся в саду плющ: «Сад предупреждал ее: в ее жизнь готовится вторгнуться нечто такое, что с виду приятно и безобидно, но способно при первой же возможности завладеть всем вокруг» [1, гл. 1]. В день появления плюща в саду Эванель приносит Клер две пары постельного белья, приговаривая при этом, что просто почувствовала, что должна так сделать. Вскоре происходит знакомство Клер с Тайлером Хьюзом. Читательские ожидания, связанные с изменениями в жизни Клер, дwoятся между возможностью развития ее отношений с художником Тайлером и вернувшейся после десятилетнего отсутствия Сидни. Оба могут стать плющом в ее жизни. И оба станут вопреки множеству возможностей счастливым продолжением ее судьбы.

Особый образ в романе – старая яблоня в саду Уэверли, растения вокруг которой обладают необычными свойствами. «Эта яблоня цветет зимой и плодоносит всю весну и лето <...> Яблоня росла в дальнем углу участка. Она была не очень высокая, но раскидистая, с длинными ветвями. Они походила на распростертые в пляске руки танцора, а яблоки росли на самых кончиках, как будто она держала их на ладонях» [1, гл. 2].

Местная легенда гласила: тот, кто съест яблоко со старой яблони в саду Уэверли, увидит самое главное событие в своей жизни. Зная это, Уэверли закапывают яблоки, объясняя это тем, что для некоторых людей, желаю-

щих знать сокрытое, главное событие сопряжено со смертью; что жизнь узнавших будущее, не должна проходить в страхе предчувствий: «Если это окажется что-то хорошее, ты будешь знать, что ничто другое не доставит тебе такой радости, как ты ни старайся. А если это окажется что-то плохое, тебе придется всю жизнь жить со знанием, что с тобой должно случиться что-то плохое. Такие вещи не нужно знать», – считает Клер и утверждает: «Но поскольку яблоня растет в нашем дворе, последнее слово за нами» [1, гл. 6].

Яблоня словно участвует в судьбах героинь, она будто бы играет с маленькой Бэй, забрасывает яблоки в соседский сад к Тайлеру, провоцируя на знакомство с Клер, и Тайлер никак не может понять, как эти плоды оказались в его дворе, ведь яблоня находится слишком далеко (время от времени яблоня действительно начинала бросаться яблоками, словно от скуки). Это дерево предупреждает и об опасности, заставив обернуться на стук упавшего яблока. В общем, яблоня живет своей жизнью и в то же время жизнью семьи Уэверли («своенравная яблоня за домом еле заметно подрагивала, как будто ей что-то снилось» [1, гл. 1].

Из текста романа становится ясным: важно, кто и с какой целью обратиться к магии и мистике природы, само прикосновение человека к ее тайнам оказывается судьбоносным. Клер наделена житейской мудростью, переданной ей от бабки вместе с тайнами растений, и чрезвычайно ответственно относится к использованию знаний, которыми обладает. Когда в ходе одного из приемов бывшие одноклассники Сидни невольно обижают ее и ей кажется, что виновата в случившемся сестра, Клер исправляет ситуацию, применив свое искусство при приготовлении десерта: «Они хотели роз, которые символизировали бы их любовь, но в сочетании с грустью любовь превращалась в раскаяние. Они хотели мускатного ореха, потому что он говорил об их богатстве, но с добавлением вины богатство обращалось в смущение» [1, гл. 5]. Желаемого эффекта она добивается, приготовив шербет из мелиссы в цветках тюльпана и добавив во фруктовый салат лепестки одуванчика и листики мяты в шоколадный мусс [1, гл. 1]. Вернувшись домой, Клер слышит от Сидни, что приготовленный ею десерт оказал желаемое воздействие: за вечер Сидни с извинениями позвонили многие из участников злополучного приема.

Ученые местного университета, как и все, делают заказы Клер при подготовке своих вечеринок, хотя, как это выясняется в главе 10, и не верят в магию ее садовых чар. Профессор Анна Чайпел говорит Тайлеру, влюбленному в Клер молодому преподавателю факультета искусств: вера местных жителей в то, что растущее в саду Уэверли, обладает особыми свойствами, и в мифические свойства ее яблони – всего лишь поверье. «В действительности это самый обычный сад и самая обычная яблоня. Клер окружает ореол таинственности, потому что он окружал всех ее предков». Приводит и следующие доводы: «Здравого смысла у нее, пожалуй, будет даже побольше, чем у среднего человека. В конце концов, хватило же у нее ума обратиться местную легенду в процветающий бизнес». Тайлер, увлеченный Клер, при этом не возражает вслух, но вспоминает о необъяснимо-мистических

и поэтических явлениях своего детства: в Коннектикуте, где он жил, каждый год семнадцатого января шел снег. «Никакого рационального объяснения этому не было, зато существовала легенда, согласно которой в этот день умерла прекрасная индейская девушка, дочь зимы, и с тех пор небеса каждый год оплакивали ее кончину холодными снежными слезами. Кроме того, мальчишкой он был совершенно уверен, что, если поймать в банку ровно двадцать светлячков, а потом разом выпустить их на свободу перед тем, как ложиться спать, то « всю ночь проспидь без единого дурного сна ». Его отношение к происходящему передано через несобственно прямую речь: « Одни вещи не поддавались объяснению. Другие поддавались. Иногда объяснение вас устраивало. А иногда – нет. Тогда на свет появлялся миф ». Магия любви оказывается сильнее пересудов, опасений и искушений. Свое решение о переезде в маленький городок, где живет Клер, он воспринимает также как мистически-судьбоносное.

Издание романа сопровождается небольшой глоссарий-справочник мистических свойств растений, словно бы перекочевавший из средневекового гербария в переложении на современный язык. Но тайной остаются секреты их приготовлений. Ряд эпизодов приготовления представляет собой трансформированные романном полем эпизоды поварских книг, однако лишенных их обстоятельной сухости.

Таким образом, текст романа являет собой неоспоримые черты именно женского взгляда на мир, становясь литературным фактом женской прозы, которая в данном случае обладает чертами магического реализма. Закономерно поэтому, что в романе свободно присутствуют как скрупулезно и достоверно выписанные обстоятельства и события повседневности, так и амбивалентные им элементы « магического свойства ».

Список литературы

1. Аллен С. Садовые чары / Пер. с англ. И. Тетериной / С. Аллен // Режим доступа: http://www.bookol.ru/proza-main/sovremennaya_proza/175702/fulltext.htm
2. Ануфриева Е. В. Феминность как форма гендерного самосознания / Е. В. Ануфриева // Дис... канд. филос. наук. – Волгоград : Волгоградский гос. технический ун-т, 2001. – 143 с.
3. Охотникова С. Гендерные исследования в литературоведении: проблемы гендерной поэтики / С. Охотникова // Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе. Ч. 2. – Иваново : Ивановский гос. ун-т, 2002. – С. 273–279 // Режим доступа: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/gender_issledovan.html
4. Пензина О. В. Женская проза второй половины XIX века: гендерный аспект авторства / О. В. Пензина // Дисс. канд. филол. наук. М. : Российский ун-т дружбы народов, 2009. – 177 с.
5. Tartt D. The Goldfinch / D. Tartt // NY-Bosnon-London, 2013. – 771 с. // Режим доступа: <http://www.ihavebook.org/reader.php?book=300227>
6. Тартт Д. Щегол / Пер. с англ. А. Завозовой / Д. Тартт. – М. : Изд-во АСТ, 2015. – 829 с.

References

1. Allen, S. Garden Spells / S. Allen // Russian version. http://www.bookol.ru/proza-main/sovremennaya_proza/175702/fulltext.htm
2. Anufrieva, E. V. (2011). Femininity as a form of gender identity / E. V. Anufrieva // PhD diss. of Philosophy Sciences. – Volgograd : Volgograd state technical University.
3. Okhotnikova, S. (2002). Gender studies in literature: gender of the poetics / S. Okhotnikova

- // Gender studies and gender education in the higher school. Part 2. Ivanovo : Ivanovo state University, 273–279
4. Penzina, O. V. (2009). Women's prose of the second half of the nineteenth century: gender aspect of authorship / O. V. Penzina // PhD. diss. of Philological Sciences. M. : Russian University of National friendship.
 5. Tartt, D. (2013). The Goldfinch / D.Tartt. // NY-Bosnon-London, Mode of access: <http://www.ihavebook.org/reader.php?book=300227>
 6. Tartt, D. (2015). The Goldfinch / D.Tartt. / Russian version. – M. : AST.

Стаття надійшла до редакції 27.03.2017 р.